

- Почему так внезапно? - Цинь Июй с лёгкой насмешкой «анализировал» причину этой физиологической реакции. - А, это потому что ты сжал мою шею? - Он сразу попал в самую точку, задев тайну Нань И. - Оказывается, тебе это нравится.

Сказав это, он начал играть с мочкой уха Нань И, слегка прикусывая пирсинг и потягивая его.

- Отпусти меня... - Нань И, чьи тайны были раскрыты, чувствовал, как его лицо горит. Он попытался вырваться, но Цинь Июй сжал его запястье ещё сильнее, вызывая лёгкую боль.

- Отпущу, а потом что? - Цинь Июй, хотя и держал его крепко, говорил спокойно и легко.

- Я знаю, что ты силен, но не всё нужно решать самому.

Он поцеловал мочку уха Нань И. - Я могу помочь тебе.

- Не нужно. - Нань И отвернулся, пытаясь избежать поцелуя, но его дыхание становилось всё более прерывистым. - ...Я сам справлюсь.

- Тогда что мне делать? - Цинь Июй опустил голову, нежно прижавшись к его шее, как будто капризничая. - Позволь мне помочь, хорошо?

- Цинь Июй, мы договорились только на поцелуи... - Нань И с лёгкой паникой попытался оттолкнуть его лицо, но Цинь Июй просто повернул голову и поймал его руку, даже открыв рот и взяв его палец в рот.

Мозг Нань И взорвался.

- Мне так нравятся твои руки... - Цинь Июй улыбнулся ему. - Мы договорились только на поцелуи, а поцелуй руки - это тоже поцелуй, разве нет?

Это был поцелуй руки?

Это было совсем другое...

- Здесь мозоли. - Цинь Июй нежно целовал его пальцы. - Басист так усердно тренируется.

Почему он может говорить такие вещи так... странно?

Цинь Июй снова наклонился, чтобы поцеловать его лицо, и тихо прошептал: - Не волнуйся, я не буду тебя обижать.

Обижать?

Нань И ненавидел, когда он говорил таким тоном, как будто был старше. Он так разговаривал с другими?

Ему вдруг захотелось укусить его, укусить его руку, щёку, плечо... Он не хотел, чтобы Цинь Июй так легко управлял им. Власть должна была быть в его руках.

Это он нашёл этого человека, который прятался, это он придумал, как вернуть его на сцену, к микрофону. В какой-то момент Нань И подумал, что Цинь Июй должен принадлежать только ему.

Его радость, боль, печаль и желания - всё должно было быть в его руках.

Итак, Нань И, словно поддавшись азарту или какому-то непонятному чувству, вырвал свою руку и опустил её вниз, прямо и почти грубо.

Странное чувство охватило его, и он беззастенчиво смотрел на лицо Цинь Июя, замечая, как на нём появились трещины.

- Что ты делаешь? - Цинь Июй слегка расслабил нахмуренные брови и снова засмеялся, сжимая его руки. - С одной стороны говоришь, что нельзя, а с другой - сам лезешь, Нань И, о чём ты вообще думаешь?

Я сам не знаю, - ответил он про себя.

Он просто хотел знать, видит ли кто-то ещё такое выражение лица?

И тогда он наклонился и поцеловал Цинь Июя.

Этот поцелуй застал Цинь Июя врасплох. Нань И был инициатором, но на этот раз нежно, как будто зализывая рану, всё глубже и глубже, их языки медленно переплетались.

Это было похоже на соблазн. Когда он этому научился?

Цинь Июй, поддавшись этому, забыл, что хотел сделать, и погрузился в этот глубокий поцелуй.

Но в следующую секунду Нань И прервал поцелуй и опустил ниже, слегка прикусывая его подбородок.

- Цинь Июй, ты ведь тоже такой?

Цинь Июй рассмеялся. - Ты хочешь соревноваться со мной?

- Если ты так думаешь, то да.

В этой борьбе за контроль Нань И полностью потерял себя, забыв о первоначальных правилах, их отношениях и статусе. Он больше не хотел думать о сложных вещах. В этот момент он даже забыл о ненависти, желая только выплеснуть свои эмоции, чтобы Цинь Июй показал, как он нуждается в нём, чтобы он ясно видел, что этот человек не может без него и секунды.

Он сошёл с ума? Или всегда был таким, просто сейчас это стало очевидным.

Он не хотел думать, просто хотел, чтобы они оба стали маленькими зверьками, управляемыми инстинктами и чистыми удовольствиями.

Всё уже и так зашло слишком далеко.

Раньше он выживал, слушая песни Цинь Июя, а теперь, кажется, мог жить, просто слушая его дыхание.

- Ты мне так нравишься, - Цинь Июй нежно целовал его ухо. - Так нравишься.

Слушая это, Нань И чувствовал, как его сердце бьётся всё сильнее.

Теперь он понимал, почему все любят такие слова. Ему тоже было приятно, даже в такой момент.

...

В конце Цинь Июй улыбнулся ему своей самой знакомой, слегка самодовольной улыбкой и сказал: – Ты выиграл.

Это непокорное сердце, ты полностью выиграл его, приручил.

Нань И не знал, в чём он выиграл, но эти слова звучали приятно, и ему они нравились.

И он снова поцеловал Цинь Июя.

– Ты тоже не проиграл.

Он, конечно, помнил свои правила, но раз уж они уже так далеко зашли, то не стал их упоминать.

Казалось, что с Цинь Июем все его принципы рушились. Он ненавидел близкие контакты с людьми, но Цинь Июй мог касаться его где угодно. Он не позволял никому лезть в его постель, но Цинь Июй мог делать там самые непристойные вещи.

Его терпимость к этому человеку, казалось, не имела границ.

Всё было хорошо, пока Цинь Июй смотрел только на него, пока он показывал такие эмоции только ему. В конце концов, разве он не хотел стать его напарником именно с такой одержимостью?

Если напарничество не могло достичь этой цели, то такие отношения тоже подходили.

Лучше всего было сделать так, чтобы Цинь Июй никогда не мог без него.

Он действительно не хотел больше видеть, как этот человек исчезает из его жизни.

– Что случилось? – Цинь Июй поцеловал его ухо. – Почему так крепко обнимаешь?

Он знал, что Нань И любит чистоту, и потянулся за салфетками на тумбочке, тихо сказав, что потом отведёт его в душ, а пока нужно вытереться.

Нань И не думал, что это он вдруг крепко обнял Цинь Июя. Он просто вспомнил прошлое и испугался, что тот исчезнет.

Страх. Это слово было таким чужим. У него тоже бывали моменты страха.

Эта игра-соревнование упростила полугодовые поиски Нань И. Никто не знал, как это было сложно, как тяжело. Даже он сам почти забыл. Но в этот момент он вдруг вспомнил ту ночь, когда наконец получил адрес. Он смотрел на эту странную, почти смешную вымышленную фамилию, но не смог засмеяться.

Вместо этого он заплакал.

Крупные слёзы катились по его лицу, и Нань И рыдал. Не только из-за Цинь Июя, но и из-за своего напряжённого состояния. Даже после смерти дяди он не плакал, не мог.

Той ночью эта странная фамилия и адрес, который он так долго искал, стали его единственным выходом для эмоций.

Возможно, из-за того, что они только что были так близки, он вдруг стал очень откровенным и уязвимым. Его пальцы нежно касались шрама на рёбрах Цинь Июя.

- Ты будешь всегда...

Он чуть не сказал: «Ты будешь всегда со мной», но вдруг осознал их нынешние отношения и быстро изменил фразу.

- ...ты будешь всегда в «Хэнкэ»?

Цинь Июй не понимал, почему он вдруг заговорил об этом. Может, он думал, что он уйдёт, как ушёл из «Угол Хаоса»? Или он казался ему ненадёжным, или всё произошло слишком быстро, и Нань И чувствовал себя неуверенно.

Поэтому он взял лицо Нань И в руки, прижался лбом к его лбу и тихо сказал: - Я всегда буду с тобой.

Нань И медленно моргнул, не ожидая такого ответа. Казалось, что все его мысли были прозрачны для Цинь Июя.

Это было страшно. Такого сложного человека, как он, тоже можно было понять.

- О, - Нань И опустил глаза, не зная, что сказать.

Цинь Июй, наоборот, засмеялся. - Только «о»? А ты? Ни одного сладкого слова?

- Я не умею, - прямо сказал Нань И.

- Но ты быстро учишься, правда? - Цинь Июй дразнил его. - Повтори за мной: ты не оставишь меня.

Нань И открыл рот, понимая, что он имеет в виду, но не хотел давать ему победить, поэтому повторил: - Ты не оставишь меня.

Цинь Июй явно не ожидал этого, слегка рассмеялся и потянул его за щёку: - Ещё раз?

- Ты не сможешь без меня, - прямо глядя на него, сказал Нань И.

Цинь Июй действительно не знал, что с ним делать.

Ведь он был абсолютно прав.

- Ладно, ладно, - он обнял Нань И и вздохнул. - Я действительно не могу без тебя.

Он никогда раньше так сильно не любил кого-то, никогда не плакал из-за другого человека, а тут плакал уже два раза. Если бы его восемнадцатилетний я узнал об этом, то, наверное, умер бы со смеху.

Каждый раз, когда он вспоминал, что Нань И сделал для него, его сердце сжималось от боли. Казалось, он был в долгу перед этим ребёнком, и этот долг невозможно было вернуть.

Дыхание постепенно успокоилось, Цинь Июй отодвинул волосы, прилипшие ко лбу Нань И, и нежно смотрел на него в темноте, тихо спрашивая: - Ты потом... специально купил мне мармелад с начинкой из боярышника? Когда мы сбежали вместе.

Нань И смотрел на него, не желая признаваться.

- Попался? - Цинь Июй сразу понял по его упрямому виду. - Ты, наверное, тоже хотел, чтобы я вспомнил тебя?

- Если ты так думаешь, то да, - Нань И не хотел признаваться.

Снова начал упрямиться.

Цинь Июй ткнулся носом в его нос, как будто капризничая: - Тот, что ты мне принёс, был намного вкуснее. Где ты его взял? Купи ещё, я хочу ещё.

Нань И не хотел говорить, но Цинь Июй был слишком настойчив.

- Его сделала моя мама, - тихо сказал он. - Она потратила почти целый день, чтобы сделать две коробки.

Цинь Июй замер, чувствуя себя немного неловко, и даже запнулся: - А, это... твоя мама сделала?

- Да, - Нань И опустил глаза. - Я... узнал твой адрес и хотел навестить тебя, но не хотел приходить с пустыми руками, так что...

На самом деле, он взял не только это. Он написал письмо, купил книги, которые любил Цинь Июй, альбомы его любимых групп... Но в конце концов он ничего из этого не взял.

Он боялся, что Цинь Июй всё выбросит, боялся задеть его раны.

Даже если он вложил в это столько сил, по сути, он был таким же, как и все фанаты, не зная, почему Цинь Июй исчез. Он боялся, что всё это было лишь его самообманом, и он ничем не мог помочь.

Долго думая, он за обедом не удержался и спросил маму, что лучше взять с собой, если идёшь навестить человека, который уехал далеко от дома.

Хотя она не знала, о ком он говорил, мама Нань И серьёзно подумала и предложила много вариантов. Они вместе обсуждали и отвергали их один за другим, пока мама, наконец, не вздохнула и не сказала:

- Лучше взять еду. Люди никогда не откажутся от вкусной еды, особенно когда им плохо.

Да.

Еда, в отличие от других вещей, не несёт в себе столько смысла, он не боялся случайно задеть раны, она просто напоминала о приятных воспоминаниях.

Итак, он попросил маму сделать что-то вкусное и долгохранящееся из боярышника. Он хотел, чтобы Цинь Июй забыл все неприятные воспоминания и снова стал тем мальчишкой из школы, который мог таскать на плече целую связку сладких шариков, всегда беззаботный и счастливый.

Цинь Июй взял его руку и поцеловал указательный палец Нань И: - Спасибо твоей маме. - Затем он поцеловал средний и безымянный пальцы: - И спасибо тебе, Сяо И.

- Ты делал это вместе с мамой?

- Я не умею, мои блюда только выглядят красиво, но невкусные, я только помогал, - честно признался Нань И. - Я помогал ей вынимать косточки из боярышника, варить начинку, нужно было постоянно помешивать, иначе она пригорит.

- Вот почему это так вкусно, ты вложил в это столько времени, - улыбнулся Цинь Июй, переплетая свои пальцы с его, и внимательно слушал, как Нань И рассказывал о процессе приготовления.

- Она положила много сахара, - спросил Нань И. - Не слишком сладко?

- Совсем нет, это было очень вкусно, - сказал Цинь Июй. - Ты не пробовал?

Нань И покачал головой: - Я не люблю сладкое, и это было так сложно сделать, мы еле испекли две порции, всё упаковали для тебя. Упаковка заняла много времени.

- Вот почему она была такой красивой, - Цинь Июй отодвинул волосы с его лица. - Ты действительно молодец.

Мама сказала, что печенье легко крошится, и если везти его в машине, то оно превратится в крошки.

Эти слова не давали Нань И покоя, поэтому независимо от того, был ли это самолёт, поезд, автобус или даже микроавтобус, он осторожно держал эти две коробки с печеньем на руках.

Он действительно хотел знать, раскрошилось ли печенье, поэтому, подкупив того ребёнка, тайно последовал за ним и, прячась за густыми деревьями, наблюдал за Цинь Июем через цветы.

Он видел, как Цинь Июй сидел во дворе, осторожно разворачивал упаковку - теперь он вспомнил, что даже тогда руки Цинь Июя были не очень ловкими.

Он также ясно видел аккуратно уложенные в коробке кусочки печенья, и только тогда его сердце успокоилось, и он тихо ушёл.

- А подушка? - Цинь Июй нежно погладил уголок глаза Нань И и не удержался, поцеловав его дрожащие ресницы. - Подушка тоже сделана твоей мамой?

- Её сделал я, - голос Нань И снова стал тихим, как будто он боялся, что его услышат.

- Мама тогда плохо спала...

После смерти дяди она тайно плакала много дней, у неё болела голова, и она не могла заснуть. Нань И знал, что его боль по сравнению с маминой, возможно, не составляла и десятой части.

В конце концов, она потеряла отца в молодости, потом мать, а затем и единственного брата. Они оба знали, что смерть дяди не была случайностью, но ничего не могли поделать.

В тот день, когда она узнала о смерти брата, мама Нань И осталась совсем одна.

Думая об этом, Нань И всё ещё чувствовал боль. Он замолчал на некоторое время, прежде чем продолжить.

- Папа пошёл на рынок и купил сладкую гречневую шелуху и большой мешок лаванды, разложил их на солнце. Я спросил его, зачем это, и он сказал, что хочет сделать маме подушку.

Почему-то, слушая его, Цинь Июй представил эту сцену: солнечный полдень, Нань И стоит перед отцом, разговаривая на языке жестов, а отец отвечает ему.

Тишина, никаких звуков, только любовь, тихо текущая между их пальцами.

- Так что ты украл гречневую шелуху у отца и сделал мне подушку? - Цинь Июй дразнил его.

Нань И посмотрел на него с укором.

- Я попросил у него.

- А папа не спросил, для кого ты её делаешь? - Цинь Июй ткнул носом в его нос.

- Нет, - тихо сказал Нань И. - Мы делали её вместе, он учил меня выбирать материал, кроить ткань, шить чехол, а потом вместе просеивали гречневую шелуху и лаванду. Он сказал, что я выбираю тщательнее, чем он, и ни одного плохого зёрнышка не попало.

Цинь Июй смотрел на него и понимал, что Нань И действительно был очень медлителен в вопросах чувств.

Например, он не знал о Дне святого Валентина, не понимал, насколько двусмысленными иногда были его поступки, и не считал подушку интимным подарком.

Даже когда он сам сказал, что видел, как отец делает подушку для мамы, он не осознавал, насколько это было особенным.

Ведь это был подарок между супругами, а этот маленький глупыш просто копировал.

- Хотя, кажется, я положил слишком много наполнителя, - Нань И вдруг засмеялся, и на его щеке появилась ямочка. - Она получилась слишком высокой, да?

- Нет, в самый раз, - Цинь Июй смотрел на его лёгкую улыбку, немного отвлекаясь. - Это самая удобная подушка, на которой я когда-либо спал.

Он откровенно сказал Нань И: - Долгое время я не мог спать, иногда выходил во двор посмотреть на звёзды, иногда шёл посмотреть на светлячков, это было лучше, чем оставаться в комнате. Как только я закрывал глаза, я видел, как мама уходила, и картины своей аварии...

- Но потом, когда я начал спать на твоей подушке, я постепенно смог засыпать. Однажды я спал так крепко, что проспал до самого вечера. Дети из деревни прибежали ко мне домой, не знаю, как они открыли дверь в мою спальню, и начали трясти меня, крича: «Учитель Сяо Юй, вставай!» Я испугался и проснулся, думал, что пожар.

Он так хорошо изобразил это, что Нань И засмеялся.

- Они сказали: «Учитель, ты спал как свинья», а я был ещё в полусне и показал им большой палец, сказав: «Вы уже научились использовать метафоры».

Нань И снова засмеялся.

Цинь Июй смотрел на него и думал: «Мне так нравится, когда ты смеёшься».

Он где-то читал, что когда ты любишь кого-то, то, видя его улыбку, сам невольно начинаешь улыбаться.

Но, кажется, он был другим. Видя, как смеётся Нань И, он, наоборот, хотел плакать.

Почему так?

Он шмыгнув носом и обнял Нань И, крепко прижав его к себе.

- Ты долго там пробыл? Отдал подарок и ушёл?

Нань И замолчал, думая, стоит ли говорить, но в конце концов признался: - Я пробыл там неделю.

Цинь Июй удивился, отстранился и посмотрел ему в глаза, пока Нань И не отвел взгляд.

- Ты пробыл так долго?

- Твоя деревня была слишком маленькой, я боялся, что если приду, то это станет известно, и кто-то расскажет тебе. Поэтому я остановился в гостинице в городе.

Он купил подержанный велосипед и каждый день ездил к нему, издали наблюдая за Цинь Июем. Большую часть времени Цинь Июй учил детей в своём маленьком доме, иногда математике, иногда английскому.

У детей было не очень хорошее произношение, и он снова и снова исправлял их, используя чёткий, слегка небрежный американский акцент.

Каждый раз, когда они произносили правильно, он показывал большой палец и с улыбкой говорил: «Молодец, отлично».

Единственное, чему он не учил детей, - это пению.

Этот когда-то известный рок-звезда без тени смущения врал детям, что у него нет слуха и он не может петь, потому что постоянно фальшивит.

Урок длился 45 минут, и за один день он проводил четыре урока. Нань И сидел неподалёку, в куче сена, и тихо слушал.

Цинь Июй вдруг что-то вспомнил: «Раньше приходил учитель из города, сказал, что знает, что я учу детей, и принёс три-четыре коробки с канцелярией и книгами. Это был не ты?»

Нань И снова замолчал.

Видя, что Цинь Июй не отстанет, пока не получит ответ, он с неохотой сказал: «Только сейчас догадался?»

- Но тот человек действительно выглядел как учитель.

Лысый, в старой рубашке и очках.

- Это был мужчина, который жил в соседней комнате. Он приехал в родной город по делам,

искал кого-то, кто поможет ему с документами. Я помог, и он хотел отблагодарить меня, поэтому я попросил его притвориться учителем и принести вам материалы.

- Ты действительно потрясающий, - Цинь Июй не мог не восхититься, продолжая щипать щёку Нань И.

Ему действительно хотелось знать, о чём думает эта красивая голова, и сколько ещё секретов она скрывает.

- Думаю, мне, возможно, никогда не удастся до конца понять тебя.

Никогда.

Услышав эти слова, сердце Нань И заколотилось. Он тоже иногда думал об этом опасном слове, представляя, как они с Цинь Июем будут петь на сцене всю жизнь.

Нет, это было не в первый раз.

Когда он видел, как Цинь Июй свободно лежит на склоне холма, погружённый в цветы высотой по пояс, пропитанный солнцем, окружённый чёрными и белыми козами, напевая песни, он тоже думал: действительно ли этому человеку нужно стоять на сцене и быть объектом поклонения тысяч?

Если Цинь Июй чувствует себя счастливым и свободным, он может прятаться здесь всю жизнь.

В крайнем случае, Нань И будет навещать его время от времени.

Главное, чтобы он не исчез.

- Там много вкусной еды, - Цинь Июй, глядя на его задумчивое лицо, тихо спросил: - Ты ничего не привёз с собой?

- Привёз, - машинально ответил Нань И.

- Что привёз?

Теперь он немного заколебался.

- Просто некоторые местные продукты.

Нет, не только.

Перед отъездом как раз начался местный праздник. Нань И не понимал их диалекта и не знал, что это за праздник, но было очень весело.

В тот день он, как обычно, пошёл к дому Цинь Июя, но его не было. Тогда он пошёл к маленькому двору, где Цинь Июй учил детей, но и там его не оказалось.

Нань И забеспокоился и стал бродить вокруг деревни, пока не увидел группу людей, которые пели и танцевали, с цветами на головах. С большого расстояния, стоя на холме, он сразу заметил Цинь Июя среди толпы.

Его окружали дети, он присел, позволяя им вставить цветы в его волосы, разукрасить его лицо яркими красками и брызнуть на него водой, говоря слова благословения, которые Нань И не

понимал.

Он сел и тихо наблюдал, как Цинь Июй вышел из толпы и сел рядом с девушкой, которая занималась рукоделием. Он взял в руки горсть сушёных чайных листьев и понюхал их.

Возможно, музыка и пение были слишком громкими, и он не слышал, что говорит девушка, поэтому наклонился ближе. Нань И до сих пор не знает, что она сказала, но помнит, как он смеялся, пытаясь повторить её движения, взяв иголку и нитку, и начал неуклюже шить мешочек.

Простая вещица, но он делал её долго, распарывал и сшивал снова, пока наконец не закончил и не поднял её с гордостью, рассматривая её.

Нань И думал, что Цинь Июй оставит её себе, но, закончив, тот беззаботно бросил её в кучу с другими мешочками, сделанными девушкой, и ушёл.

По направлению его движения Нань И понял, что он снова идёт к тётке, которая готовила вкусный суп из гороха.

Через десять минут после его ухода Нань И тихо спустился с холма, обошёл танцующих людей сзади и подошёл к той девушке.

Он был в шапке и маске, что напугало её.

Но Нань И не обратил на это внимания, быстро найдя мешочек, сделанный Цинь Июем, – его было легко узнать, он был настолько некрасивым, что казалось, на нём написано имя Цинь Июя.

Он присел, взял его и спросил: «Могу я купить этот?»

Девушка кивнула, хотя не понимала, зачем ему именно этот.

– Тебе... нужно что-то ещё?

Этот вопрос напомнил Нань И, что если он купит только один, то, возможно, на следующий день она расскажет Цинь Июю, что какой-то парень специально купил мешочек, который он сделал.

Тогда он может раскрыться.

Поэтому Нань И выбрал ещё один, самый аккуратный и красивый из тех, что были в куче. По пути домой он заехал в Ухань, чтобы навестить двоюродную сестру.

– И этот, спасибо.

Он мог с закрытыми глазами представить, как Цинь Июй будет гордиться, узнав об этом. Он не хотел, чтобы Цинь Июй всегда был таким самоуверенным, поэтому просто не сказал.

Но Цинь Июй, похоже, всё ещё не оставлял попыток выведать правду. Ему действительно хотелось понять Нань И до конца.

– Нань И, почему ты так хотел найти меня?

Его слова попали в самое болезненное и нежное место в душе Нань И.

Стоит ли говорить? Он не хотел показывать слабость, но и не хотел обманывать этого человека. Его объятия были такими тёплыми и искренними, и он сам пережил столько боли, был обманут и предан многими.

- Тебя выгнали из группы в октябре, и в то время мне было просто очень тяжело, но я смирился, - Нань И сделал паузу, уткнувшись лицом в шею Цинь Июя. - Потом умер мой дядя.

Цинь Июй замер. - Как так?

- Он был журналистом, раньше работал в Пекине, занимался расследованиями и публиковал материалы о социальных проблемах. Ты бы не поверил, но в университете он тоже играл в рок-группе, на гитаре, и у него даже был сценический псевдоним.

Его звали Сюй И, а псевдоним был Ли Юй.

Но после смерти бабушки это имя исчезло из кругов.

- Правда? Как его звали? Может, я даже знаю его.

Но Нань И не стал говорить. Он не хотел втягивать Цинь Июя в это, поэтому пропустил этот момент: - Ты точно его не знаешь, он был не очень известен. Он изучал журналистику, а потом стал репортёром.

- Осенью 2020 года его отправили в командировку за границу. Когда он уезжал, я провожал его в аэропорту. Он обнял меня и сказал, что скоро вернётся, чтобы встретить Новый год вместе.

Нань И запнулся, остановившись на мгновение.

Цинь Июй почувствовал это, нежно погладил его по спине и поцеловал макушку головы.

Нань И сдержал эмоции: - После того, как ты исчез, прошло две недели, и мама получила звонок из его компании. Ему сказали, что дядя попал в перестрелку за границей, и когда его доставили в больницу, он уже был мёртв.

А всего три дня назад он получил от дяди фотографию восхода солнца. Дядя отправил ему сердечко и сказал, чтобы он хорошо ел и отдыхал.

Цинь Июй нахмурился.

Он не ожидал такого.

В то время Нань И тоже не мог поверить в это, даже когда увидел тело и вместе с родителями подтвердил наличие пулевых ранений. Позже, когда он успокоился, он обнаружил много странностей в этом деле, но уже ничего нельзя было изменить.

- В то время я... был в полной растерянности, в отчаянии. Я всегда верил, что в этом мире нет ничего невозможного, если приложить достаточно усилий, но в тот период я начал думать, что некоторые вещи предопределены судьбой, и их нельзя изменить.

- Что? - спросил Цинь Июй.

Например, он будет постоянно терять тех, кто его любит. Чем сильнее любовь, тем жестче судьба будет забирать её.

В то время он даже надеялся, что больше никто не будет его любить.

Не говорите ему о любви, это вызывало у него физический страх.

- Ничего, - Нань И улыбнулся. - Всё уже прошло.

Его голос был тихим, и он прижался к Цинь Июю, создавая у того иллюзию, что Нань И действительно зависит от него и не может без него.

- Я боялся, что ты исчезнешь, как дядя, поэтому так хотел найти тебя.

Если он сможет найти его, хотя бы мельком увидеть, он ухватится за последнюю соломинку, сможет успокоиться и, с наследием дяди, продолжать идти по этому тёмному пути.

Цинь Июй вдруг почувствовал боль в груди.

Человек, который никогда не сожалел о своих решениях, в этот момент очень сильно пожалел. Если бы он знал, что Нань И будет так страдать и бояться, он никогда бы не спрятался.

Он даже не мог представить, что в то время Нань И шёл вперёд, движимый огромным горем, каждый шаг - по лезвию ножа.

Его решение заставило того подростка пройти через столько трудностей, столько страданий, заставило его бояться, бояться настолько, что он был вынужден искать его изо всех сил.

Нань И почувствовал, как что-то холодное капнуло ему на шею, но он промолчал, просто молча обнял Цинь Июя за талию.

Он не хотел, чтобы Цинь Июй жалел его, но и не хотел, чтобы тот плакал из-за кого-то другого.

Это сердце, которое снова обрело силы, находится в моих руках, поэтому его слёзы тоже принадлежат только мне.

Нань И провёл пальцем по спине Цинь Июя, медленно рисуя круги, цветы, а затем, незаметно, написал иероглиф «И».

- Почему, когда нашёл, не встретился со мной?

Его рука слегка дрогнула. Иероглиф «И» был слишком простым, как маленький крючок.

Поэтому он снова, аккуратно, написал более сложный иероглиф, из 11 черт, извилистый, более запутанный, чем путь, который он прошёл, чтобы найти этого человека.

- Потому что я призрак, и мне нельзя показываться на свет.

<http://bllate.org/book/14694/1313182>